

63.4  
P49

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

63.4(0)

На правах рукописи

**РИЕР ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ**

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕРЕВНЯ  
ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ**

(по археологическим данным)

Исторические науки 07.00.06 - археология

Автореферат  
диссертации на соискание ученой  
степени доктора исторических наук

Москва - 1993

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Работа выполнена в Могилевском государственном педагогическом институте.

Официальные оппоненты:

член-корреспондент РАН Литаврин Г.Г.  
доктор исторических наук Хорошев А.С.  
доктор исторических наук Седов В.В.

Ведущая организация - Институт истории АН Беларуси.

Защита состоится "28" апреля 1993 г. в 14 часов на заседании специализированного совета Д002.18.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте археологии РАН - Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4 этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии РАН.

Автореферат разослан "25" марта 1993 г.

Ученый секретарь  
специализированного  
совета

Сергеева З.М.

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ определяется, с одной стороны, значением изучения аграрной истории для понимания формирования и развития средневекового общества, с другой – все усиливающимся значением археологических источников. Активное археологическое изучение сельских поселений, начавшееся в большинстве европейских стран с начала 50-гг. нашего столетия, продемонстрировало познавательные возможности археологических данных для изучения прежде всего демографических и социально-экономических аспектов аграрной истории средневекового населения. Однако к настоящему времени, при обилии локальных и региональных исследований, сказывается недостаточность обобщающих работ, позволяющих анализировать общеевропейские аграрные процессы, выделять общие их закономерности и локальные особенности.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ состоят в подведении итогов археологического изучения средневековой деревни в странах Восточной и Центральной Европы (территория расселения восточных и западных славян и германцев). Обобщение результатов региональных штудий по единой программе позволяет:

1. Составить общее представление о современном состоянии уровня знаний по обозначенной проблеме;
2. Определять степень познавательных возможностей разных групп исторических источников (археологических, историко-географических, исторических) в изучении аграрной проблематики;
3. Выделить основные вехи формирования и развития средневековой деревни как места обитания сельского населения, а также этапы сложения сословий крестьян и землевладельцев в лесной зоне Европы от Балги до Рейна. Такой территориальный охват разных по условиям и темпам общественного развития регионов позволяет обратиться к поискам причин различий в путях исторического развития восточно-, западославянских и германских земель.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ представлены опубликованными результатами изысканий ученых России, Украины, Беларуси, Польши, Чехии и Словакии и Германии. Привлекаются штудии и исследователей сопредельных стран. Основу составляют археологические работы, а также близко связанные с ними историко-географические исследования. Привлечено более 2 тыс. монографий и статей, что позволяет считать библиографию проблемы исчерпывающей (по состоянию на 1991 г. Работы

опубликованные после этого времени, дополняют отдельные положения представляемой диссертации, но не противоречат сделанным в ней выводам). Указанный характер источников предполагает историографический характер диссертации. В качестве составной части в настоящее исследование вошли и результаты работ автора по изучению средневековой деревни в Восточной Беларуси.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА РАБОТЫ состоит в том, что впервые на русском языке обобщаются исследования ученых указанных стран по названной проблематике. На этой основе предложена концепция становления и развития аграрных порядков Восточной и Центральной Европы с середины I по середину II тыс. н. э. и анализируются причины региональных различий, определивших облик Европы последующих столетий.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ работы определяется:

1. Возможностью использования выводов диссертации при дальнейших региональных и обобщающих исследованиях средневекового аграрного строя Европы;

2. Использованием полученных результатов в преподавании курсов истории средних веков, истории славянских народов и спецкурсов в высших учебных заведениях;

3. Историографический раздел диссертации может иметь самостоятельное значение при локальных изысканиях в области аграрной археологии.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ. Основные положения диссертации изложены в серии публикаций, а также в выступлениях автора на заседаниях Отдела славяно-русской и средневековой археологии Института археологии Российской Академии наук, Отдела археологических исследований Института истории Академии наук Беларуси, У Международного конгресса славянской археологии, всесоюзных конференциях археологов, славистов, республиканской конференции по аграрной истории Беларуси, семинарах и коллоквиумах.

СТРУКТУРА РАБОТЫ. Диссертация состоит из введения, шести разделов, заключения и приложения, в которое включены списки литературы и сокращений, а также альбом из 20 иллюстраций.

## СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

### ВВЕДЕНИЕ.

Обосновывается прежде всего актуальность темы исследования. Отмечается, что решение основных проблем генезиса и развития классового общества в средневековой Европе требует более детального изучения аграрных порядков, изменение которых в значительной степе-

ни определяло характер разложения родовых отношений и формирования тех, которые традиционно называются феодальными. Углубленное исследование аграрной истории невозможно без широкого привлечения прежде всего археологических материалов. Исследования последних десятилетий позволяют во многом пополнить исторические представления о средневековой деревне, особенно о хозяйстве, связи с природной средой, а также тех аспектах социального развития, которые отражены в вещественных источниках. Накопленный археологический материал позволяет оценить масштабность изучаемых явлений, а при сочетании с другими историческими дисциплинами переходить на синтетический уровень исследований. Поэтому аргументируется привлечение историко-географических и демографических материалов.

Известная неравномерность и фрагментарность археологических исследований еще затрудняет их использование для широких обобщений. Но обширные территориальные и междисциплинарные сопоставления позволяют выявить общие принципы развития, без понимания которых сложно планировать и интерпретировать локальные штудии. Поэтому автор и обратился к изучению столь обширной территории Восточной и Центральной Европы.

Конечной задачей археологических изысканий должны являться выводы общен исторического характера. Но специфика вещественных источников требует, чтобы археологи сами решали исторические задачи. На такой подход ориентируется и автор данной работы. Последующее изложение построено на сочетании тематического и географического принципов. Разделы выделены по темам, вытекающим из итогов археологических исследований. Внутри разделов материал сгруппирован по странам, что вызвано спецификой археологического изучения деревни в разных государствах. Такой подход позволяет представить обширную картину и не упустить основные региональные особенности.

## РАЗДЕЛ I.

### **ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕРЕВНИ.**

Данный сюжет в отечественной литературе специально не разрабатывался. Но если история изучения отдельных памятников и регионов на восточнославянской территории периодически включается в историко-географические разделы публикаций, то анализ зарубежной аграрной археологии средневековья на русском языке практически отсутствует.

## Глава I. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Специальное археологическое изучение древнерусских и более ранних восточнославянских аграрных памятников началось лишь в 50-е гг. нашего столетия. Но многие объекты удоставались внимания археологов и в предшествующее время. При этом из двух основных категорий памятников, оставленных сельским населением, диктальное время преобладал интерес к погребениям. Первоначально с их помощью решались этнические, хронологические и некоторые иные вопросы. Однако уже в 30-40-х гг. исследования погребального инвентаря (Б.А. Рыбаков) дали важные результаты. Он прежде всего доказал наличие сельских ремесленников и определил характер их деятельности. Систематизация предметов из курганов Северной Руси, проводившаяся сотрудниками ГИМА в рамках комплексного изучения древнерусской деревни в 50-е гг., дала возможность разработать хронологические классификации бытового инвентаря и решить ряд вопросов истории торговли и межплеменных контактов. В 60-70-е гг. курганы в качестве источника по изучению заселенности древнерусских земель привлек Л.Е.Алексеев.

По сравнению с курганами сельские поселения исследованы значительно меньше. Хотя в призывах Г.Н.Воронина и П.Н.Третьякова начала 30-х гг. доказывалась ценность сельских поселений для исследования проблем становления феодального общества, до начала 50-х гг. эти поселения изучались чаще всего случайно, обычно в ходе разведок (наиболее интенсивно - в Среднем Поднепровье). Поэтому и не случайно первое обращение к археологии деревни в послевоенное время началось с обобщения лучше изученного курганного материала (М.В.Фехнер, А.Е.Успенская, В.Л.Левашева и др.). Проблемами земледелия, социальной структуры владельческих поселений в те же годы занимался В.И.Довженко. Но его изыскания, важные сами по себе, опирались еще на ограниченный материал из Среднего Поднепровья. Серьезная работа В.И.Малкина о скотоводстве и охоте на Руси основывалась прежде всего на коллекциях из городов.

Начало специальных исследований сельских поселений на системной основе было положено В.В.Седовым в середине 50-х гг. на Смоленщине. Эти работы позволили ученому сделать вывод о продуктивности именно регионального изучения деревни. Им же была заложена основа методики работы с фрагментарным, слабовыразительным материалом из селищ. И то, что в дальнейшем основные выводы В.В.Седо-

ва о хронологии развития Смоленской деревни подтвердился при работах в других регионах Древней Руси, продемонстрировало правильность указанной методики. Но почин В.В.Седова не был поддержан и до 70-х гг. какого-либо систематического изучения древнерусских селищ все еще не велось. Исключения составили лишь небольшие работы в Среднем Поднепровье, предпринятые по инициативе В.И.Довженка. Но они тогда не были обобщены.

Последующему усилению интереса археологов к аграрной проблематике, хотя и относительно, косвенно способствовали историко-географы, которые в 60-70-е гг. обратились к истории природной среды и ее взаимодействия с человеческим обществом. Серия работ на эту тему, думается, способствовала повороту археологов к проблемам расселения, ландшафтной приуроченности хозяйства, без чего изучение аграрной проблематики не может быть полным. Первым к природе и ее роли в расселении обратился, пожалуй, И.В.Алексеев в монографии о Полоцкой земле в 60-е гг. Позднее он развил эту тему на материалах Смоленского княжества.

70-е гг. стали определенным рубежом в изучении эпохи, предшествовавшей Киевской Руси. После многолетних и интенсивных полевых работ, особенно 60-х гг., украинские археологи начали переходить к региональным обобщениям (В.Д.Баран, И.С.Винокур, О.М.Приходник, А.Т.Смиленко, П.И.Хавлюк). И хотя эти исследования прямо не связаны с археологией деревни, аных, не сельских форм жизни тогда еще практически не было. Поэтому указанные исследования важны для нас освещением полюсов древнерусской деревни, особенно в вопросах расселения и топографии поселений. Впрочем, вопросы преемственности в хозяйстве и общественных структурах не менее важны.

Также в 70-е гг. начинаются целенаправленные региональные исследования сельских поселений в Волго-Окском междуречье (Т.Н.Никольская), Северо-Восточной Украине (С.А.Беляева, А.В.Шекун), Восточной Беларуси (автор). Итоги этих штудий были подведены в 80-е гг. В первой половине этого десятилетия активизировались работы в Новгородской и Псковской землях. (В.И.Колецкий, А.И.Микляев, Р.С.Минасян, В.И.Носов, И.И.Платонова, В.И.Карлашов). Тогда же, хотя и стихийно, но завершается складывание нового направления в изучении средневековых аграрных памятников: комплексное их изучение с помощью письменных источников, топонимики и исторической географии. Начало этим методам положил в 70-е гг. И.В.Алексеев при изучении феодализации в Смоленской земле. Затем близкую методику

мы применили в Восточной Беларуси, а в начале 80-х гг. новые элементы в нее внес С.З.Чернов. К сожалению, такие комплексные исследования деревни широкого распространения не получили.

В середине и второй половине 80-х гг. появилась серия обобщающих работ, как археологических, так и общеторических ("История крестьянства в Европе", "История крестьянства в СССР", "Древняя Русь. Город, замок, село", монографии А.В.Кузы, Б.А.Тимошука, А.А.Клюко, Е.А.Макарова). В этих исследованиях отразились и достигнутые результаты в археологическом изучении деревни, и лакуны в наших познаниях. Прежде всего это касается территориального охвата в изысканиях. Вместе с тем наметилась определенная активизация в изучении деревни. Особенно это относится к исследованиям проблем расселения, которым была посвящена специальная конференция (Москва, 1991 г.). Были подведены также итоги изучения социальных процессов среди сельского населения (Б.А.Тимошук, Е.А.Буров). Продолжались региональные изыскания. Но еще остается много белых пятен, неисследованных территорий. И, в целом, до завершения изучения деревни еще далеко.

## Глава 2. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕРЕВНЯ В АРХЕОЛОГИИ ПОЛЬШИ.

Интерес к археологическим аспектам аграрной истории в определенной степени сформировался под влиянием историко-географических исследований, которые начались с конца XIX в. (Т.Войцеховски, Ф.Лекосиньски, С.Бальцер). На рубеже XIX/XX вв. К.Потканьски, а затем Ф.Буяк при изучении расселения стали использовать и археологические данные. В дальнейшем идея Ф.Буяка способствовала изучению связи поселений с географической средой.

Епервые на самостоятельное значение археологии в исследовании развития сельского расселения указал в 1916 г. К.Тыменецки. Но специальных археологических изысканий на сельских поселениях в межвоенный период почти не велось. Перемены в изучении их наступили к середине 80-х гг., когда усилился интерес к материальным основам жизни общества. Заслуга и в постановке задач комплексного изучения средневековых сельских поселений, и в определении методов работ на основе собственных полевых исследований принадлежит Э.Раевскому.

Серия работ конца 50-60-х гг. была посвящена изучению сельского расселения в разных регионах Польши. Исследования А.Куница, С.Пальчерувны, А.Урбаньской, С.Курнатовского и других, в которых



археологические методы сочетались с природоведческими, позволили проследить историю расселения в отдельных регионах Польши в течение длительных хронологических периодов. Однако увлечение экологическими проблемами, динамикой расселения отодвинули на второй план анализ социально-экономических отношений в деревне. Поэтому экскурсии в общественную жизнь обычно были слабо связаны с археологическим материалом. Такой подход к аграрной проблематике остался характерным и для последующего времени. Важно отметить, что микрорегиональные исследования велись по сходным программам на междисциплинарной основе, в ряде случаев специальными научными коллективами, состоявшими из археологов, природоведов, историков. В итоге к концу 70-х гг. такими локальными студиями были охвачены почти все регионы Польши. Выделяется изучение комплекса у Спацежеца (Т.Поклевски).

В 1971 г. была опубликована монография С.Подвиńskiej о сельском расселении в раннесредневековой Польше — первый в польской средневековой обобщающий труд о деревне, основанный преимущественно на археологических данных. Выводы исследователя, встретившие и критические замечания, были затем, в целом, подтверждены новыми материалами.

Ряд исследований 70-х гг. был посвящен изучению хозяйственной деятельности деревни. Наиболее значительные студия о земледелии и скотоводстве принадлежали М.Дембиńskiej, С.Подвиńskiej и З.Шрамм. Результаты археологических работ 60-х первой половины 70-х гг. были обобщены в первом томе "Очерков истории материальной культуры Польши". В разделах о деревне основное внимание уделялось географической среде, расселению и застройке. В меньшей степени затронуты вопросы хозяйства и быта. Конец 70-80-е гг. отмечены развитием прежних тенденций в изучении деревни. Но новые исследования (И.Гурба, В.Модовски, В.Лосињски) характерны более широким привлечением добытых к этому времени материалов, позволяющих использовать статистические методы.

### Глава 3. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕРЕВНЯ В АРХЕОЛОГИИ ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ.

Начало изучения археологических памятников, связанных со средневековыми аграрными поселениями, относится здесь ко второй половине XIX в., причем несколько ранее оно началось в Моравии. И хотя до середины нашего столетия к изучению этих поселений обра-

лись лишь эпизодически, постепенно формируется представление об их значении для мелллевистики, сформулированное Я.Кёмом в 1938-39 гг. Широкое изучение всех категорий памятников, оставленных средневековым аграрным населением, началось с 50-х гг. в условиях усиления внимания к складыванию классового общества и материальной культуре рядового населения. Активно исследовались и селища, и городища (И.Борковский, А.Еттерова, Р.Турек). С середины 50-х гг. работы на селищах Чехии возглавил Э.Сметанка, Моравии - В.Некуда и Словакии - А.Габовштэк. С их именами связано не только проведение многочисленных разведок и раскопок, но и формирование государственной программы археологического изучения деревни, в целом осуществляемой в последующее время. При этом в Чехии сложился так называемый "мозаичный" принцип исследования, при котором велись разведочные работы в разных регионах. В Моравии за основу было взято исследование нескольких эталонных селищ. В Словакии поначалу преобладали только разведочные работы. Основное внимание уделялось проблемам расселения и сельской застройки. Многие работы велись на междисциплинарном уровне. Особенно широко привлекались историко-географы (Э.Богач, Э.Черны). К изучению истории земледелия приступила М.Беранова. Феодальные замки начал исследовать А.Гэйна. В итоге, к концу 50-х гг. сформировалась плеяда исследователей, которые затем в течении 30 лет определяли направления в средневековой аграрной археологии страны.

В 60-е гг. работы активизировались, к ним привлекаются молодые археологи (М.Залотска, Я.Слама, Я.Кудрнач, М.Шолле, Д.Шаурова, Е.Новотны, Р.Снашил). Активно работают Д.Бялекова, Б.Поля, Б.Достал и другие. Как и прежде, основное внимание уделяется проблемам регионального расселения. Но увеличивается и число работ о сельскохозяйственном производстве, прежде всего - о земледелии (особенно - М.Беранова). Определенное значение для углубления аграрной проблематики имели исследования М.Штепанека, поставившего целью соединить общую концепцию развития раннефеодального общества с добытыми археологическими материалами. Автор обратил внимание на уже имевшийся в Европе опыт междисциплинарных исследований средневековой деревни. Работы М.Штепанека способствовали активизации комплексных исследований и, особенно, сотрудничеству археологов с историко-географами. Серьезные достижения в изучении деревень XIV-XV вв. и, особенно, их полей продемонстрировал Э.Черны. Ему удалось составить серию карт земельных кадастров ря-

да деревень Моравии.

К началу 70-х гг. уже был накоплен весьма значительный материал по ряду регионов. В течение этого десятилетия практически ликвидируется отставание в области средневековой аграрной археологии Словакии (работы прежде всего Д. Чапловича, П. Шалковского, А. Руткая). Среди новых исследователей в Чехии и Моравии можно отметить Я. Клапште и З. Мержинского. С учетом проделанной работы в первой половине 70-х гг. разрабатываются программы дальнейших исследований, в которых делается упор на междисциплинарные штудии, тесную увязку добываемых материалов с историческим развитием, более внимательное отношение к социально-экономическим проблемам. В середине десятилетия появляются и первые обобщающие работы об отдельных поселениях и сельскохозяйственном производстве (М. Беранова, А. Гейна, З. Сметанка, А. Габовштяк, Р. Некуда, Й. Земличка). С 1976 г. начинает издаваться ежегодник "Историческая археология", в котором регулярно и весьма оперативно публикуются исследования и рефераты по археологии средневековья. Значительное внимание в ежегоднике, составлявшемся по материалам ежегодных общегосударственных конференций, составила аграрная проблематика. Указанный ежегодник - пожалуй, единственное на изучаемой нами территории периодическое издание, посвященное археологическому изучению средневековых аграрных памятников. Конец 70-х гг. стал временем подведения итогов ряда исследований (З. Черны, Я. Клапште, Й. Земличка, Б. Некуда). Анализировались характер расселения и результаты раскопок ряда поселений.

80-е гг. продолжили тенденцию предшествующего времени. Наряду с вовлечением в оборот новых данных с активно изучавшихся сел и городищ публикуется все больше статей и монографий, обобщающих развитие сельских поселений в отдельных регионах (Б. Достал, З. Некуда, Р. Снашил, М. Беранова, З. Мержински, З. Сметанка, А. Габовштяк, Д. Чаплович, Й. Унгер, М. Шолле). Наряду с традиционным интересом к географо-демографической проблематике (расселение) все больше внимания уделяется экономике деревни. В середине десятилетия начинается подготовка обобщающего труда, посвященного археологии средневековой деревни страны. Таким образом, следует констатировать хорошую исследованность интересующей нас проблематики.

#### Глава 4. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕРЕВНЯ В НЕМЕЦКОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Немногочисленные, в общем-то разведочные, оценочные по харак-

теру работы на сельских поселениях начались во второй половине XIX в. Они позволили археологам выработать общее представление о наличии и типах средневековых аграрных памятников. Ограниченные, но уже целенаправленные исследования начались перед Первой мировой войной и велись затем в межвоенный период. В основном исследовались отдельные объекты, но П.Тримм своими раскопками в 30-е гг. продемонстрировал возможности и результаты более полного археологического изучения средневековой деревни.

Основные работы, как и по всей Европе, развернулись после Второй мировой войны. При этом археологическое изучение деревни в ГДР и ФРГ имело свои отличительные особенности, связанные не только с методологическими различиями (становлением и, затем, господством марксистской историографии в ГДР), но и с объектами изучения (основная часть территории ГДР в раннем средневековье была заселена западнославянскими племенами).

В бывшей ГДР 50-е гг. были характерны основным вниманием к городищам, лучше изученным с предыдущего времени, а также к проблемам расселения (П.Тримм). Но уже во второй половине десятилетия появляются сообщения о раскопках отдельных германских и славянских селищ. Публикация результатов раскопок становится ведущей темой в 60-е гг. Отдельным, в основном полностью исследованным памятникам, посвящаются монографии (Й.Херрманн, П.Тримм, Б.Крюгер). С середины 60-х гг. в трудах ряда исследователей, начиная с П.Тримма и Й.Херрманна, основное внимание уделяется изучению расселения, хозяйства, социальных отношений славянских племен. Помимо статей и монографий начинается издание справочного труда "Славяне в Германии", затем неоднократно переиздававшегося.

С начала 70-х гг. появляется больше работ, посвященных германским и средневековым немецким памятникам, сравнительному развитию славянских и германских поселений. Но преобладают исследования раннесредневековой эпохи. Более поздним памятникам уделялось меньше внимания. Со второй половины десятилетия все больше публикаций посвящается социальным процессам, отраженным в археологических материалах процесса генезиса феодализма, сопоставлению этого процесса в германских и славянских землях. Традиционные темы: городища, застройка поселений увязываются именно с социальным развитием. Все больше становится и специальных работ, посвященных сельскохозяйственному производству, вообще хозяйству деревни. Эти темы продолжают интенсивно разрабатываться и в последующее время.

Археологи бывшей ГДР продолжали изучать и проблемы расселения, причем в 30-е гг. наряду с региональными проблемами изучаются и общегерманские, интерес к которым усиливается. Среди исследователей, помимо вышеназванных, в 70-80-е гг. по рассматриваемой проблематике активно работали П. Донат, Э. Шульдт, Э. Гринтмут-Дальмер, Э. Ланге.

В результате многолетних исследований в археологии бывшей ГДР было выработано достаточно четкое представление о раннесредневековой эпохе, охватывавшей развитие западнославянских племен. Период развитого средневековья изучен пока слабее. Характерной особенностью ученых являлось стремление к социальной оценке добытого археологического материала, к историческим выводам.

В ФРГ с 50-х гг. сформировалось 2 основных направления в изучении средневековой деревни: многолетние стационарные раскопки отдельных поселений и исследования проблем расселения. Последнее направление в определенной степени выработалось под влиянием сильной историко-географической традиции в немецкой историографии первой половины столетия. Отсюда у археологов тогдашней ФРГ пристальное внимание к планировке поселений, к древнему землеустройству. Это направление интенсивно разрабатывалось в Северной части ФРГ, где сохранялось больше реликтов древних и средневековых ландшафтов.

Обращение археологов к проблемам расселения и усиление внимания, а также доверия к археологическим работам в этом направлении связано прежде всего с деятельностью Г. Линкуна, чьи первые исследования о расселении появились в середине 50-х гг. С 60-х гг. изучение расселения становится ведущим. При этом, в отличие от археологов ГДР, в ФРГ планирование и ведение исследований не увязывалось с определенными хронологическими периодами. Целью работ являлось обычно прослеживание региональной истории расселения с древности и до нового времени. В итоге в историографии ФРГ к середине 60-х гг. сформировалось направление, названное Г. Линкуном археологией поселений. Важной особенностью этого направления стала ориентация на естественно-научные методы изучения, что определялось признанием существенной роли природной среды в расселении. Больше внимание уделялось междисциплинарным связям в исследованиях. Экономика поселений и возникавшие в них социальные отношения также провозглашались объектами изучения, но на практи-

ке оставались обычно на втором плане. С 60-х гг. появляются исследования о славянском расселении на территории ФРГ. Продолжалось изучение отдельных городищ и селещ. При этом внимание уделялось не только раннесредневековым памятникам, но и поселениям развитого средневековья. Завершенные работы оформлялись монографиями (Прежде всего это исследования В. Хаарнагеля, В. Янссена и В. Бинкельмана).

Те же направления работ характерны и для последующего времени. К середине 70-х гг. подводятся итоги изучения расселения в западной части ФРГ (В. Янссен) и поселений на юге страны (Г. Ферниг). В конце десятилетия добытые археологические материалы были включены в сводную работу о немецкой аграрной истории (Э. Эннен, В. Янссен). Археологи смелее вторгаются в изучение социальных отношений. Показательна монография Х. Штойера, появившаяся в начале 80-х гг. и целиком посвященная анализу социального развития деревни на археологических материалах. Это — первое исследование такого рода в аграрной археологии средневековья в ФРГ.

В целом, в методах и направленности археологических исследований в ГДР и ФРГ были существенные различия. На территории бывшей ГДР лучше изучены раннесредневековые древности и сделаны важные выводы о развитии общественных отношений, заключавшихся в становлении феодального общества. Западногерманских ученых больше интересовало развитие аграрного пейзажа, история поселений. Положение живших в них людей привлекло внимание археологов ФРГ не сразу. Есть различия в территориальном и временном охвате исследований. Если для раннесредневековой территории бывшей ГДР есть обобщающие работы, то для западной части Германии такой целостной картины нет; там изучены лишь отдельные регионы. Но эти исследования в западногерманских землях доведены до XIV-XV вв., тогда как в ГДР эпоха развитого средневековья известна археологам слабее (за исключением Тюрингии).

\* \* \*

Таким образом, в разделе рассмотрена история археологического изучения средневековой деревни в Восточной и Центральной Европе, в основном славяно-германском ареале. Помимо представленных штудий небольшие работы по интересующим нас проблемам в 60-70-е гг. проводились в Австрии. Средневековые деревни интенсивно изучаются археологами Бельгии и Дании.

Оценивая археологическое изучение средневековой деревни в це-

лом, следует констатировать, что несмотря на особенности, связанные с традициями национальных школ, наблюдается постепенное сближение направленности и методов исследований в разных странах, распространение комплексных подходов, особенно в 30-е гг. Так, в центральноевропейской археологии усиливается внимание к изучению экономики, а в отечественных исследованиях находит все большее применение опыт изучения проблем расселения и демографии средневековой деревни. Всё это облегчает сопоставление результатов работ и выработку общей картины сложения и развития аграрных порядков рассматриваемого времени.

## РАЗДЕЛ II.

### РАССЕЛЕНИЕ.

#### Глава I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Рассматриваются примененные в работе термины. Термин "расселение" понимается как распределение и перераспределение населения по территории его обитания, в нем отражается диалектическое единство стабильности и изменчивости поселенческих структур, что важно для изучения прошлого, особенно отдаленного, когда приходится оперировать достаточно протяженными отрезками времени. Следовательно, история расселения равнозначна процессу расселения.

При анализе типов расселения применена классификация Л.В. Бятова. Обращено внимание на роль природной среды в формировании характера расселения.

#### Глава 2. РАССЕЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ.

Глава начинается с характеристики природных условий региона. Показано, что модная лесная растительность стала искусственно сокращаться в лесной зоне Восточной Европы лишь с XVI-XVII вв., а средние века характерны наличием девственных пущ. Анализируются климатические колебания. Имеющиеся данные позволяют полагать, что как в Западной, так и в Восточной Европе раннее средневековье с VII в. отличалось постепенным нарастанием теплой погоды вплоть до конца XII - начала XIII в. Влажность в этот период также постепенно увеличивалась, достигнув пика в XII-XIV вв., когда отмечено существенное повышение уровня грунтовых вод. Этот пик влажности совпал с начавшимся постепенным похолоданием. И, несмотря на периодический возврат тепла, тенденция к похолоданию постепенно принимала устойчивый характер, превратившись в так называемый "малый ледниковый период" к XV в. При этом известная континентальность восточноевропейского

климата создавала менее благоприятные условия для демографического развития и сельскохозяйственного производства, чем в Западной и Центральной Европе.

Отдельно затрагивается проблема славянского расселения в регионе. Автор поддерживает точку зрения с тем, что к началу средневековья славяне заселяли в восточной Европе полосу от Причерноморских степей на юге до Припяти на севере, ограниченную с востока Днепром, а местами, и бассейном Сейма. С VI в. началось продвижение славянских племен на север, север-восток и восток. Основная часть будущей древнерусской территории была заселена славянами к VII-IX вв. В течение X-XII вв. славяне продолжали расселяться в верховьях Оки, Волги и в более отдаленных местностях, вплоть до Вятки и Прикамья.

Основным параграфом данной главы является анализ расселения. Для земледельческо-животноводческого хозяйства восточных славян наиболее благоприятной была лесостепь с почвами, не столь плодородными, как черноземная степь, но с менее задернованными, а значит более легкими для обработки. Более устойчивым был в лесостепи и гидрологический режим. Не подходила лесостепь и для длительного обитания кочевников. Ближе к плодородию к лесостепным были и почвы прилегающих районов лесной зоны. Все это обусловило единство хозяйственной деятельности и характера расселения восточнославянских племен в начале средневековья.

Практически всё раннее и начало развитого средневековья, до XIV в., в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы среди земледельческого населения господствовал долинный, приречный тип расселения с дискретным расположением поселений. Их скопления (агломерации) концентрировались в безлесых или редколесных местах долин с пригодными для земледелия, чаще легкими почвами. Учитывалась и степень увлажненности. В местах с низким уровнем грунтовых вод поселения располагались вблизи водоемов, в более увлажненных местах — на дюнах и пологих надпойменных террасах, а переувлажненных — на холмах и водоразделах. Последняя форма заселенности раньше всего сложилась на крайнем северо-западе Руси, где высокий уровень грунтовых вод, особенно прогрессирующий с VIII в., не позволял жить и хозяйствовать в долинах. По мере роста населения происходило, с одной стороны, это уплотнение и создание новых поселений в сложившихся прежде агломерациях, а с другой — отток части людей на новые



земли, то есть колонизация, которая активно велась восточными славянами в основном в северном, северо-восточном и восточном направлениях в VI-IX вв. При этом почти повсеместно обнаруживается предпочтительнее более закрытого рельефа, образованного малыми реками с относительно узкими, но и менее отдаленными, а значит, более безопасными долинами.

Исходя из динамики расселения, весь период V/VI-XII вв. можно разделить на 2 этапа. Первый, начальный, длился примерно до рубежа IX-X вв. и был медленным, постепенным освоением природных угодий. Плотность населения была невелика, хозяйственные ареалы селений, очевидно, значительными, ограниченными естественными условиями. Близлежащие поселения, вероятно, составляли единую общественно-территориальную структуру, а между такими малыми гнездами оставались большие незаселенные пространства.

С X в. процесс расселения постепенно набирает динамизм. Раньше, в XI-XII вв. начало расти количество поселений, а значит - и плотность населения в более развитых среднерусских и других регионах Древней Руси. В XI-начале XIII в. демографический бум охватил и лесные территории. Однако сельское население продолжало концентрироваться в уже сложившихся агломерациях, ограниченных возвышенностями с тяжелыми почвами, засушливыми на юге Руси и поросшими сплошными лесными массивами к северу. Таким образом, время интенсивного освоения долинного ландшафта в X/XI-XIII вв. можно выделить во второй этап. Но следует заметить, что монгольское нашествие в середине XIII в. нарушило сложившуюся динамику расселения, породив частичное запустение и отток населения в более безопасные места.

С XIV в. начался новый этап расселения, который характеризуется отходом от водотоков и освоением междуречных возвышенностей, водоразделов, постепенным превращением лесных ландшафтов в сельскохозяйственные. На эти земли, очевидно, перемещалась часть населения из долины, что тоже послужило причиной запустения многих деревень в прежней зоне расселения.

Какие же факторы определяли направленность рассмотренного процесса расселения?

Прежде всего, как и для всех доиндустриальных обществ, здесь следует выделить природную обусловленность расселения. Человек, по крайней мере до третьего этапа, приспосабливался к природным условиям, к особенностям ландшафтов. Массовый выход на водоразделы и начало земледельческого освоения лесных пространств означает,

по сути, первую попытку широкого, массового подчинения природы человеческим нуждам. Начало это, в силу относительной малочисленности Восточной Европы, растянулось, как минимум, на 100-200 лет, ибо массовые порубки, о чем писались выше, отмечались здесь с VIII-XIII вв. Впервые, когда истребление некультурности сельскохозяйственных угодий в большинстве регионов лесной зоны в-долгу обусловила сохранение там дискретного типа заселенности.

Не менее важным фактором, обусловившим прежде всего хронологию процесса расселения, был демографический. Именно постепенный, но неуклонный рост населения, приводивший в древних обществах к относительному перенаселению, делал необходимым освоение новых земель. А исчерпание фонда свободных хозяйственных угодий в привычной географической среде стимулировало интенсификацию производственной деятельности. Проанализированные в работе материалы показывают, как методично, зачастую вопреки неблагоприятным внешним факторам (особенно близ степей) шло заполнение пригодных к земледелию долинных ареалов. В XIII в., очевидно, резервы земель для дальнейшего экстенсивного земледелия были исчерпаны. Это стимулировало новые агроприемы, интерес к новым сельскохозяйственным орудиям, что позволяло перейти к распашке более тяжелых лесных почв на возвышенностях, а плодородие на этой целине поддерживать с помощью регулярного севооборота — трехполья. Так демографические факторы со-мкнулись с хозяйственными.

К хозяйственным факторам, таким образом, относится прежде всего развитие земледелия. Подробное о нем — в сопоставительном разделе. Но здесь можно отметить, что длительная полемика с нередко диаметрально противоположными взглядами на время распространения плужного земледелия и трехполья в Восточной Европе, обусловленная скудостью данных, свидетельствует скорее всего о длительном существовании разных типов земледелия и медленном, постепенном освоении более прогрессивной агрокультуры. Совпадение по времени такого развития земледельческой культуры с проживанием в одних и тех же ландшафтных условиях сива-ли случайно. Тем более не случайно совпадение по времени широкого перехода к трехполью именно в XIII-XIV вв. со стагнацией сети поселений в долинах и освоением водоразделов. Кстати, и в Западной Европе известный процесс запустения второй половины XIII-XIV вв. во многом был связан с преобразованиями в системе полеводства.

Внешним фактором, усугубившим процесс запустения долинных посе-

лений, было прежде всего монгольское нашествие. Но, как видно, оно было в данном процессе вторичным. На локальные особенности развития расселения влияли и другие военно-политические и социальные факторы. Роль последних постепенно усиливалась в ходе углубления феодализации, усиления давления на крестьян, вызывая их уход на окраины.

### Глава 3. РАССЕЛЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ ЗЕМЛЯХ.

При довольно большом разбросе данных и мнений можно все же наметить общую картину климатических изменений в Центральной Европе с начала новой эры. Примерно до II-IV вв. было тепло (возможно, временами теплее, чем теперь) и влажно. Затем похолодало примерно до VII в. и стало суше. Далее отмечено значительное потепление, максимальное в XI-XII вв. Начало его характерно увлажнением (особенно в IX в.), но во время средневекового климатического оптимума (XI-XII вв.) стало суше. XIII-XIV вв. характерны неустойчивостью, частыми сменами температурных режимов и увлажненности, причем XIII в. был более влажным, затем стало суше, но не везде - были локальные различия.

Изменялся уровень рек и грунтовых вод. В середине I тыс. он был в целом ниже современного, затем стал повышаться. Все эти изменения сильно влияли как на характер растительности, так и на выбор мест для поселений, а также на продолжительность их существования.

При дальнейшем анализе процесса расселения автор придерживается административно-географического принципа с последующим обобщением по всему региону, ибо исследования каждой национальной археологической школы имели свои особенности.

РАССЕЛЕНИЕ В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ. Процесс раннесредневекового расселения здесь принято начинать с VI в., когда после завершения массовых миграций предшествовавшего времени отмечается рост числа поселений. VI-первая половина VII в. характерны медленным ростом сел, часто небольших по размерам и не очень долговечных. Сохраняется предшествовавший, долинный тип расселения, связанный с легкими почвами. В VII в. появляются четко очерченные скопления поселений, что свидетельствует об увеличении населения. Максимальный рост поселений и, следовательно, увеличение плотности населения приходился на VIII-IX вв. В X в. отмечен перелом в характере расселения. Население как бы отдалается от берегов водоемов, начинается освоение прибрежных возвышенностей, заселение периферии

крупных агломераций, начинаются порубки лесов. Соответственно уменьшается население в долинах и низинах. Процесс этот характерен для второй половины X—XII в. и определяет новый этап в развитии сельского расселения. Более систематическое сведение лесов отмечено в XII в., а наиболее интенсивным оно стало в XIII—XIV вв., когда в хозяйственный оборот было введено много новых ареалов. Примерно с середины XIII в. констатируется перемещение на возвышенности и водоразделы значительной массы населения, что позволяет отметить новый этап в расселении.

Рассмотренные процессы почти аналогичны прослеженным в Восточной Европе, но с определенным сдвигом примерно на столетие вперед.

**РАССЕЛЕНИЕ В ЧЕХО-СЛОВАККИХ ЗЕМЛЯХ.** В целом, оно соответствовало вышерассмотренной динамике. Период от VI до VIII—IX вв. был характерен созданием сети поселений в речных долинах. Для IX—XI/XII вв. констатируется прежде всего консолидация населения в областях прежнего расселения. Но параллельно с этим начинается процесс расширения ойкумены за счет освоения прилегавших прежде всего к густонаселенным агломерациям возвышенностей. Это был этап постепенного перехода к новому типу расселения, который затем сложился в ходе внутренней колонизации, наибольший размах которой приходился на XIII—XIV вв. В Словакии этот этап датируется XIV—XV вв. Затем, в XIV—XV вв. в Чехии и в XV—XVII вв. в Словакии в ходе так называемого заустения произошла корректировка характера расселения и в общих чертах сформировался современный аграрный пейзаж.

**РАССЕЛЕНИЕ В ЗЕМЛЯХ ПОЛАВСКИХ СЛАВЯН.** VI—VIII вв. являлись в регионе периодом расселения и хозяйственной консолидации отдельных групп славян, которые ассимилировали оставшееся незначительное местное население. Во второй половине VIII—первой половине IX в. этот период завершился и до конца X в. происходило интенсивное хозяйственное и демографическое развитие, складывается сеть городов — административно-политических центров, отразившая развитие социальной дифференциации в обществе. Наконец, в XI—середине XII в. (местами с X в.) отмечено некоторое расширение освоенного ранее ареала путем расчисток. На это время приходится складывание государственных институтов у ряда племен и борьба с немецкими феодалами.

В течение всего рассматриваемого времени излюбленными местами славянских поселений были мысовые и долинные возвышенности, надпойменные террасы. Были заселены все агломерации, освоенные в же-

лезном леке и много новых мест. Большинство поселений существовало в течение нескольких поколений. Преобладали небольшие, с населением менее 100 жителей поселения.

**РАССЕЛЕНИЕ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ.** После определенного упадка эпохи великого переселения народов, когда запустело много прежде заселенных мест, началось постепенное восстановление старой ойкумены в речных долинах. В VII-VIII вв. отмечается рост плотности в заселенных агломерациях и даже эпизодические выходы за их пределы. Начинаются и лесные порубки. В IX в. старые области германского расселения были уже полностью освоены и дальнейшее демографическое и хозяйственное развитие здесь было уже невозможно без расширения территории обитания. А освоение новых земель постепенно расширялось, пока не переросло в интенсивную колонизацию, внутреннюю и внешнюю.

Массовое освоение лесных водоразделов относится к XI-XII вв. В итоге, во многих регионах во второй половине XII в. плотность сельского населения достигла максимума. Но затем, в XIV-XV вв. произошла корректировка сети поселений. Были покинуты наиболее непродуктивные наделы и соответственно заброшены расположенные среди них деревни, обычно небольшие. Характерным стало стремление к концентрации населения в более крупных деревнях, что тоже вело к исчезновению целого ряда поселений.

Завершается раздел общими выводами. Рассмотренные материалы свидетельствуют, что процесс средневекового сельского расселения в Восточной и Центральной Европе развивался в едином направлении, но в разные хронологические периоды. В восточно- и западнославянском ареале с начала средневековья до IX-X вв. характер расселения был в принципе идентичен: скопления поселений в долинах и на низких береговых террасах отделялись друг от друга обширными безлюдными, покрытыми лесами просторами. В таких же условиях жили и древние германцы, но до VII в. Затем в германском ареале началась интенсификация поселенческого процесса с постепенным освоением близлежащих к заселенным агломерациям возвышенностей, которая в XI в. переходит в широкое наступление на пустовавшие до тех пор водоразделы. К XIV в. процесс экстенсивного развития сельского расселения в германских землях завершился. У западных славян аналогичный этап освоения возвышенностей, затем и водоразделов начался с IX-X вв. и завершился в XIV-XV вв. У восточных славян при массовом росте числа поселений до XIV в. в целом сохранялся до-

линенный тип расселения и лишь затем отмечается выход на водоразделы.

Как видно, с конца I тыс. в Центральной Европе процессы расселения развивались интенсивнее, чем на Востоке (в разных местах эта разница составила 100-200 лет). Основная причина различий в темпах расселения - демографическая. В течение VII-V вв. в Центральной Европе были в основном исчерпаны резервы свободных земель в долинах. У восточных славян в это время и позднее избыточное население уходило на окраины, что позволяло сохранять традиционный тип расселения надолго.

В итоге, после "корректировки" расселения в XIV-XV вв. в Центральной, как и в Западной Европе складывался современный аграрный пейзаж. В Восточной Европе к этому времени, вследствие меньшей плотности населения, сложились только основы современного расселения - сеть деревень на водоразделах. Насыщение этой сети происходило позднее.

### РАЗДЕЛ III.

#### РАЗМЕЩЕНИЕ И ЗАСТРОЙКА ДЕРЕВЕНЬ.

##### Глава I. ВОСТОЧНОСЛАВЯНОСКИЕ СЕЛИЩА.

Топография. В лесостепи селища долинного типа оставались преобладающими и в XIV в. Водораздельный тип в древнерусское время был характерен, как указывалось, для переувлажненных мест, прежде всего на Северо-Западе Руси. С XIV в. этот тип распространился и на другие земли лесной зоны.

Размеры сельских поселений в рассматриваемое время отличались разнообразием: от нескольких сот квадратных метров до 20 га и более. Но большинство селищ занимали площади в пределах 0,1-3 га. Крупные чаще встречались на юге и были обычно долговременными. Число жилищ в деревнях обычно было в пределах 5-15. И для второй половины I тыс., и для первых веков II тыс. характерно сочетание поселений разных размеров в одних агломерациях. Но поселения, появившиеся в XI-XIII вв. обычно были меньше селищ, существовавших с IX-X вв., то есть при сохранении разнообразия в размерах сельских поселений, отмечается тенденция к увеличению числа малодворных деревень, особенно в лесной зоне. В XIV-XV вв. эта тенденция стала повсеместной и весьма четкой.

Планировка. На характер застройки неукрепленных поселений влияли два основных фактора: особенности рельефа и социальная организация. Скученные, гнездовые и замкнутые деревни, вероятно, связа-

ны с коллективными формами ведения хозяйства и владения землей. Линейная застройка могла складываться как при коллективном, так и при индивидуальном землепользовании. Очевидно, в этом случае определяющими были условия местности. Распыленная застройка отражала наличие определенной самостоятельности у крестьян.

В течении всего рассматриваемого времени преобладали различные варианты бессистемной застройки, чаще — на дюнах, пойменных холмах, мысах. Лучше изучены поселения VI—IX вв. в лесостепи. Обычно выделяются группы — гнезда по 3—5 жилищ. Прослеживаемое иногда подобие линейного расположения скорее всего бывало связано с близостью уступа террасы или обрыва.

Бессистемная застройка была характерна также для поселений X—XV вв., причем известно и гнездовое расположение жилищ (дворы), и распыленное, и скученное. Увеличивается число поселений с регулярной, прежде всего линейной застройкой.

Жилища. Благодаря обширной библиографии данный сюжет рассматривается в общих чертах. В VI—VII вв. жилища восточных славян были в большей степени единообразными — полуземлянками, чаще квадратными в плане. С VIII—IX вв. в условиях интенсивного расселения в лесной зоне началось расщепление прежде единой формы восточнославянского домостроительства. В южной части региона сохраняются прежние традиции, но увеличиваются размеры полуземлянок. В северо-западной части восточного славянства, точнее в словенско-кривичском регионе с VII в. появляются наземные срубные дома (в плане и по размерам аналогичные полуземлянкам). X/XI—XIV вв. характерны постепенным вытеснением углубленных жилищ наземными домами. До XIII в. полуземлянки господствовали в лесостепи и встречались в южной части лесной зоны. Затем они стали постепенно вытесняться наземными. Очевидно, в это же время придерживаются многие исследователи, указанные различия вызывались прежде всего особенностями географической среды: относительно высоким уровнем грунтовых вод, холодным климатом, наличием добротного строительного материала в лесной зоне и более теплым и сухим климатом лесостепи с ограниченностью там дерева для строительства.

Хозяйственные сооружения. В отличие от домостроительства с хронологическим и территориальным районированием углубленных и наземных домов, в распространении хозяйственных построек такие закономерности не прослеживаются. В течение всего рассмотренного времени оба типа построек сосуществовали нередко на одних и тех же по-

селениях. Причем наземные хозяйственные сооружения известны в зоне распространения углубленных жилищ уже в третьей четверти I тыс. Среди многочисленных ям различных конфигураций на поселениях выделяются хранилища-погребя. Наземных хозяйственных построек известно, естественно, меньше. Выявлены мастерские, части так называемые "летние кухни".

Обособление групп хозяйственных сооружений вокруг отдельных жилищ отмечается на поселениях с третьей четверти I тыс. Они - свидетельства наличия крестьянских дворов - прослежены прежде всего на нескольких хорошо исследованных поселениях Правобережной Украины. Но в условиях сложностей вычленения одновременно существовавших сооружений хозяйственные дворы выделены порой приблизительно. Более четко комплексы - жилища и хозяйственные постройки - определяются для VI-III вв. Но и в это время наряду с такими комплексами продолжала существовать и более хаотичная застройка, при которой жилища и хозяйственные сооружения не выглядят связанными между собой в какую-либо систему. Более определенные свидетельства наличия на селищах крестьянских дворов появляются в IX-X вв. Еще больше указаний на дворы - среди материалов XI-XII вв., хотя и для этого времени тоже характерны трудности в вычленении синхронных построек.

### Глава 2. СЕЛИЩА ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.

СЕЛИЩА В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ. Планировка. Выделяются застроенные бессистемно, а также с регулярной планировкой: рядовые и с площадью в центре. Среди многодворных преобладала нерегулярная, бессистемная застройка, обычно распыленная до 5-10 га. Часто хозяйственные комплексы разделялись друг от друга пустошами до 60-70 м. О размерах данных немного. В течение всей второй половины I тыс. преобладали поселения в 0,3-1 га. Отмечено постепенное увеличение удельного веса малых поселений - до 0,3 га (от 25 % в Поморье VI-VII вв. до 36% в X в.).

Материалы XI-XII вв. также свидетельствуют о преобладании деревень средних размеров, в 5-7 хозяйств.

Жилища. Во второй половине I тыс. возросло количество углубленных жилищ (чаще полуземлянок). Но на севере известны и наземные. Определенный перелом в домостроительстве произошел в X в., когда увеличилось число наземных домов и их размеры. До XII в. отмечается сосуществование обоих типов жилищ и построек. Затем



наземные столбовые и срубные дома начинают активно вытеснять заглубленные, которые в XIII в. уже применялись только для хозяйственных нужд. Увеличились и размеры домов.

Хозяйственные постройки обычно отличались меньшими размерами. Чаще встречались зерновые ямы, а также очаги вне построек. Усадьбы-домохозяйства исследованы слабо. Ограды на таких усадьбах обычно отсутствовали. Четко очерченные усадьбы малых семей отмечены лишь с XIV в.

СЕЛИЩА В ЧЕХО-СЛОВАЦКИХ ЗЕМЛЯХ. Для раннеславянской деревни (VI—VII вв.) известно 2 основных типа планировки: с редкой, расплывчатой, нерегулярной застройкой и более плотной застройкой с площадями в центре. В VIII—IX вв. к этим типам добавлялись кучевые и рядовые деревни. Обычно, когда обрабатываемые участки располагались вблизи жилища, застройка бывала редкой; соответственно, плотная застройка была там, где поля находились вне поселений. На селищах X—XIII вв. продолжает преобладать нерегулярная застройка, чаще всего с расплывчатой планировкой по всему земельному кадастру деревни. Но в XI—XII вв. увеличивается количество деревень с более регулярной застройкой, что было связано прежде всего с началом колонизации, а также с переходом от поселений общинного характера к индивидуальным усадьбам.

Традиционно преобладали деревни средних размеров, особенно в областях старого расселения (там же чаще встречаются и крупные). Уменьшение размеров селищ характерно для эпохи внутренней колонизации, на вновь осваиваемых территориях.

Жилища. На поселениях VI—VII вв. встречались квадратные и прямоугольные полуземлянки. В VIII—X вв. жилища постройки становятся разнообразнее, что отразило экономические достижения великоморавской эпохи. Получают большее распространение известные и в предшествующее время наземные жилища. Заглубленные — обычно сооружались в лессовых почвах, а на влажных и каменистых — наземные. При преобладании однокамерных сооружений встречаются и многокамерные. Те же особенности сохраняются и в XI—XIII вв. Но с XIII в. начинаются значительные изменения. Все больше становится многокамерных жилищ: наземных, на каменных фундаментах (порой и вовсе цельнокаменных). Увеличиваются размеры домов.

Хозяйственные постройки аналогичны вышеописанным. Лучшие изучены сооружения XIII—XIV вв. Первые четкие следы появления хозяйственных комплексов — усадеб отмечаются в IX—X вв. Но до XIII в. эти

Усадьбы отличаются распыленностью, аморфностью, геометрически неправильными формами построек и дворов.

СЕЛИЩА ПОЛАВСКИХ СЛАВЯН. Планировка и застройка. Преобладали небольшие кучевые, вытянутые вдоль изгиба рельефа или округлые со свободными площадками в центре. Застройка в целом нерегулярная, хаотичная. Рядовые деревни чаще встречались в областях с большей концентрацией населения, например, у ободритов. Число рядовых и уличных деревень увеличилось в XI-XII вв. Дальнейшее развитие планировочных форм было прервано немецкой колонизацией.

Размеры поселений обычно не выходили за пределы 3-3,5 тыс. кв. м и включали 5-15 домов.

Клища были типичными для славянского ареала: квадратные полуземлянки и наземные срубы, причем последние были характерны для северной части ареала. Как и в других славянских землях, при сохранении углубленных клищ в XII в. отмечается их изживание наземными. С того же времени начинают распространяться дома на каменных фундаментах.

Хозяйственные сооружения аналогичны описанным в соседних славянских землях. Преобладают амбары погреба (зерновые ямы). Усадьбы, как четко выраженные комплексы с клищами и хозяйственными постройками, обнесенные изгородями, появляются в междуречье Эльбы-Одера в XI-XII вв. (более определенно - с XII в.). Лишь в предгорье господской резиденции в Торнове они известны с XIII в.

Подводя итог анализа застройки западнославянских селищ, следует отметить, что они развивались в едином русле. До XI-XII вв. преобладала нерегулярная застройка. Затем, в ходе начавшейся внутренней колонизации распространялась линейная и уличная планировка, часто с парцеллами, что отразило изменение в системе землепользования и окончательное формирование крестьянских усадеб. Одновременно с развитием крестьянских хозяйств в домостроительстве осуществляется переход к наземным домам, где прежде были распространены углубленные дома. Стали разнообразнее размеры изб, чаще отмечаются двух- и трехкамерные постройки. На чешских материалах XIII-XIV вв. уже заметна имущественная дифференциация в крестьянских клищах. Аналогичные процессы развивались, как отмечалось, и у восточных славян. Не случайно основной тип крестьянского клища раннего средневековья - квадратная полуземлянка носит общее название и в русском, и в чешском, и в польском, и в сербском языках.

### Глава 3. ГЕРМАНСКИЕ СЕЛИЩА МЕЖДУ РЕЙНОМ И ЭЛЬБОЙ.

Планировка и застройка. Преобладали в VI-VII вв. круговые и кучевые со свободным размещением дворов и построек в них. С рубежа I/II тыс. отмечается большее разнообразие в характере планировки сельских поселений. Сохраняются прежние формы. Еще и в VIII-IX вв. встречается нерегулярная застройка, при которой, в зависимости от характера ландшафта, довольно хаотично располагались группы домов. В областях старого расселения такие деревни дожили до наших дней. Но уже с IX-X вв. отмечается переход к регулярным формам. П. Донат связывает это с формированием феодальной земельной собственности при Каролингах. Небольшие кучевые формы (хутора) преобразуются в малые линейные (рядовые, уличные). В XI-XII вв., в ходе колонизации формы регулярной застройки становятся более разнообразными. Размеры на всем протяжении раннего средневековья были разнообразными, но отмечается постепенное увеличение удельного веса малых поселений (хуторов). Та же тенденция сохранилась в период внутренней колонизации.

Жилища. В VI-VII вв. сосуществовали, нередко и на одних поселениях, наземные и углубленные дома. На севере строили длинные, характерные и для викингов прямоугольные и овальноподобные дома, в которых к жилому помещению примыкали хозяйственные, чаще хлева. Но рядом с ними встречались и малые наземные дома, без хозяйственных пристроек. Полуземлянки чаще встречались в Средней и Южной Германии. Существенные изменения в домостроительстве начались с IX-X вв. Исчезают большие (длинные) дома. Преобладание средних и малых жилищ П. Донат объясняет социально-экономическими процессами в деревне, связанными с формированием феодального землевладения. Другие изменения были связаны с прогрессом в строительной технике: появлением каменных фундаментов и более широким распространением столбовых стен. Эти тенденции еще более распространились в домах XI-XII вв.

Хозяйственные постройки уже с начала новой эры часто примыкали к жилым (длинные дома). Обычно это были стойла для скота, а мастерские и другие хозяйственные сооружения строили отдельно. На поселениях, где преобладали малые жилища, наряду с наземными амбарами, сараями, было много заглубленных построек. Усадьбы, в отличие от славянского ареала, на отдельных из изученных германских поселениях прослежены с начала новой эры. В VII-VIII вв. усадьбы

выделяются достаточно четко как скоплениями разнородных построек, так и оградами (реже). С IX в. происходит постепенное уменьшение размеров усадеб, а также площадей княжеских, частично, хозяйственных построек, что вероятно, было связано с втягиванием крестьянских хозяйств в структуру феодального землевладения.

**ВЫВОДЫ.** Сопоставление развития внешних форм раннесредневековых сельских поселений славян и германцев свидетельствует о сходстве лишь самых общих элементов, связанных с близкими по характеру природными условиями, сходным уровнем развития производительных сил и формами их взаимодействия с природой. Но в характере развития поселений есть и существенные различия. Связаны они прежде всего с разным появлением индивидуальных усадеб у германцев и относительно поздним их появлением у славян. Причины этих различий, вероятно, связаны с разными (более замедленными у славян) темпами общественного развития, в том числе и развитием форм собственности. Причины здесь и в некоторых отличиях природных условий к западу и востоку от Эльбы, и в связанных с ними демографическими и хозяйственными различиями (на востоке — более континентальный климат, более редкое население и, отсюда, больше хозяйственных трудностей). Оказалось и отсутствие римского влияния. Этот перечень можно продолжить, а сами причины требуют внимательного непредвзятого изучения.

## РАЗДЕЛ IV.

### ХОЗЯЙСТВО.

#### Глава I. ХОЗЯЙСТВО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ДЕРЕВНИ.

**Земледелние.** Рассмотрены влияния географических условий. Наиболее приемлемой для земледельцев была лесостепь и южная окраина лесной зоны, куда входила колыбель восточного славянства — Среднее Поднепровье. Именно здесь сложилась и наиболее динамично развивалась древнерусская земледельческая культура.

Далее анализируются развитие систем земледелия. Наиболее древней здесь была допашенная, подсечно-огневая система. Но на юге, в лесостепи, она с начала новой эры постепенно вытесняется пашенной и к VII-X вв. была там уже практически измита. В лесной же зоне подсечка просуществовала намного дольше и использовалась как способ вовлечения в хозяйственный оборот новых земель вплоть до 30-х гг. XX в. Но как основной способ обработки земли подсечка просуществовала только до конца I тыс. Впрочем, высокая урожайность

при подсеке в первые годы культивирования участка (до САМ 20 - САМ 30) и большие массивы лесов способствовали осуществлению подсечного земледелия наряду с пашенным в условиях внутренней колонизации, схематичной для первой половины I тыс.

Изменен добывать пропитание с помощью пахоты раннесредневековому населению лесостепи досталось в наследство, как отмечалось, от предшествующего времени. В лесной зоне первой формой пашенного земледелия можно считать лесной перелог, возникший, по-видимому, в ходе сокращения времени отдыха подсечных участков. В лесостепи и степи близкой к указанной была залежная система. Очевидно, таким способом обрабатывались земли в относительно густо заселенных агломерациях, на безлесных участках, в описных. Просуществовали обе эти системы, сочетаясь с подлинно пашенной - паровой - довольно долго. Лесной перелог известен и в XVII в.

Постепенное накопление агротехнического опыта, усовершенствование пахотных орудий и, следовательно, качества обрабатываемой почвы при неуклонном сокращении свободных земель вели к сокращению "отдыха" участков при перелого или залежной системе. Время сжигания паровой системы и тем более время появления двух- и трехполья проследивается, как известно, с трудом. В лесостепи с начала паровой системы, вытекающей из пароможной или залежной, можно вести речь с VI-IX вв., в лесной зоне - с X-XII вв. При этом о времени распространения трехполья существуют разные точки зрения. Неоспоримо его господство с XIV-XV вв. Но ряд исследователей видит его косвенные признаки уже в эпоху Киевской Руси. Вероятно, в южных землях Руси переход к трехполью мог начаться уже на рубеже I/II тыс. Но его массовое применение, преобладание в земледелии относится, безусловно, к более позднему времени. Особенно это касается северорусских земель. Очевидно, для всей первой половины II тыс. было характерно сосуществование разных систем земледелия, среди которых прежде всего на старопашотных землях, особенно в давно освоенных агломерациях, разрывалось и постепенно приобретало основное значение трехполье.

Далее рассмотрены полевые земледельческие культуры, огородничество и садоводство, урожайность, орудия труда и земледельческие работы. Подсечное земледелие, как известно, не требует каких-либо сложных орудий труда. Для освобождения от леса использовали топоры, для рыхления земли - лопаты, косыги, для заделывания зерен -

боронно-суконатки. Сложныя и не во всем яоним было развитые пахотных орудий. Трудности в их изучении связаны, как известно, с проблемой сохранности деревянных частей конструкций. Одним ранним, известным в лесостепи и на юге лесной зоны еще с железного века, является рало. Во второй половине I тыс. оно начало распространяться и далее в лесную зону, очевидно, в ходе славянского расселения. В VI-VII вв. в лесостепи появляется рало с полозом, у которого наральник располагался при пахоте почти параллельно земле, что позволяло отрезать горизонтальный пласт. Такое орудие было удобно для мягких пойменных и степных земель, но требовало приложения больших усилий при подъеме перевалов, залежей и целины. Поэтому в дальнейшем перед наральником дожимался плужный нож (черасло), что уменьшало давление грунта и превращало рало с полозом в подобие легкого плуга. Такие орудия известны на памятниках лесостепи и в южной части лесной зоны с VIII вв. и позднее — в севернее. Некоторые авторы называют их плугами. Но, думается, прав А. В. Чернецов, пояснявший, что достоверным признаком плуга является не черасло, а четко выраженный асимметричный лемех.

Способность земледелия в лесной зоне способствовать появлению сохи — орудия рыхлящего, как и рало, но лучше приспособленного к лесным почвам с толстым гумусным слоем и засоренных корнями деревьев и кустарников. Появление сохи в IX-XI вв. способствовало более интенсивной распашке делян и переходу от полсеки к парелюгу, а затем и к паровой системе. Доначала сохи существовали с ралами, но с XII-XIII вв. стали их активно вытеснять. Как видно, для распространения нового орудия и оценки земледельцами его преимуществ потребовалось 100-200 лет. Такой срок, как показывают наблюдения, вообще был характерен для распространения нововведений в средневековой сельской среде.

Пахотные орудия плужного типа — рало с отвалом (чераслом) появились, как отмечалось, в лесостепи и на юге лесной зоны в VIII-X вв. Но распространение собственно плуга со всеми его атрибутами (чераслом, асимметричным лемехом и отвальной доской — полицей) ряд исследователей относят к XII-XIV вв. Ю. А. Краснов, опираясь на появление широкого асимметричного лемеховидия, датирует начало возникновения плуга XI-XII вв.

Естественно, появление такого сложного орудия, как плуг, не было одномоментным явлением. Потребовалось не одно поколение крестьян, пока многочисленные усовершенствования не воплотились в более для

менее однотипный агрегат. И здесь от первых дополнительных приспособлений к ралу до его вытеснения плугом прошло не менее 200-300 лет, а в ряде мест - и более. Ибо плуг был не только более дорогим сам по себе, но и требовал значительно большего расхода при пахоте, борошении, выравнивании или выкатывании в результате возможности. Помимо, думаю, дискуссионных с точки зрения археологии данных отражают не только отсутствие прямых свидетельств, но и время, необходимое для распространения этого нового орудия в крестьянской среде. Рассмотрены также другие орудия и работы.

Животноводство проанализировано на основе остеологических данных. В VI-VII вв. в лесостепной зоне крупный рогатый скот был представлен 39% от всех домашних животных, свиньи - 36%, мелкий рогатый скот - 17%, лошади - 8%. Скот в основном использовался на мясо. В VIII-X вв. в лесостепи, в целом, сохраняется сложившаяся структура стада, но заметно увеличение доли крупного рогатого скота (47%) и лошадей (11%). Очевидно, это свидетельствует об увеличении использования скота в качестве тяглой и транспортной силы.

Животноводство древнерусской эпохи из-за слабой изученности сельских поселений отражено прежде всего материалами из городов. В целом сохраняется ведущая роль крупного рогатого скота (в среднем - 33%). Но общий удельный вес его падает и сближается с уровнем потребления свиней (30%). На ряде памятников отмечено и общее преобладание свиней. Для поисков каких-либо закономерностей такой ситуации еще мало данных. Третье место продолжало оставаться за мелким рогатым скотом. Но и его удельный вес увеличился (23%).

Ремесло. Древнерусское сельское ремесло, в отличие от многих других аспектов жизни деревни, всегда внимательно рассматривалось в советской археологической литературе. Наиболее полно эта тема была исследована Г.А. Рыбаковым. Сельские ремесла и промыслы специально изучались сотрудниками ИИА. Но и те время исследователи были ограничены, в основном, потребительным инвентарем. За последние 30 лет noticeably с ремесле появились материалы из сельских поселений. Значительные сведения собраны и о раннеславянской производственной деятельности.

Начало выделения собственно ремесла, то есть его отделения от сельского хозяйства фиксируется в VII-VIII вв. лишь в наиболее сложной деятельности - металлургии и металлообработке. Впрочем, и в IX-XIII вв., в условиях натурального хозяйства деревня продолжало суще-

ствовать домашнее производство многих вещей, а деятельность сельских ремесленников ряда специальностей носила сезонный характер, то есть еще полностью не отрывалась от сельского хозяйства. Специально рассмотрены основные виды ремесленной деятельности.

Промыслы, в отличие от ремесла, имели в хозяйстве подсобное значение и выполнялись, как правило, крестьянами, не порывавшими с аграрным трудом. Наиболее распространенным промыслом была охота. Но роль ее в разное время и в различных регионах была неодинаковой. Среди других промыслов рассмотрены рыбная ловля, бортничество, лесные промыслы. Впрочем, все они слабо отражены в археологических материалах, так же как и свидетельства о торговле.

## Глава 2. ХОЗЯЙСТВО ДЕРЕВНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ.

ХОЗЯЙСТВО В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ. К началу средневековья основой хозяйства здесь было земледелие. По мнению большинства исследователей, в течение первой половины и середины I тыс. на значительной территории страны происходил переход от интенсивного огородничества с большой ролью животноводства к экстенсивному полеводству с возрастанием роли злаков. Южные земли под влиянием провинциально-римских земледельческих традиций уже с рубежа I тыс. знали пахоту. VI—IX вв. проходили под знаком постепенного расширения зоны пашенного земледелия. Но в условиях расселения в лесных, менее заселенных землях сохранялась большая роль подсека. Пашенное земледелие существовало прежде всего в форме перелога и нерегулярного двухполья. В целом переход к двухполью на более широких массивах отмечен с X в., а в XII—XIII вв. прослежен переход к нерегулярному трехполью (в наиболее заселенных местах — с XI в.). Регулярное трехполье возобладали в XIII—XIV вв.

Далее рассмотрены сельскохозяйственные культуры, орудия труда. С VIII в. появляются асимметричные наральники. Свидетельства об использовании орудий плужного типа отмечаются, по мнению В.Хенселя, с IX—X вв., а распространение плуга большинство исследователей датирует XIII в., одновременно с преобладанием трехполья.

Животноводство. В его структуре преобладали свиньи и крупный рогатый скот. Причем, если в середине I тыс. больше было крупного рогатого скота, то во второй половине I тыс. наблюдается увеличение поголовья свиней с 36% в VI—VII вв. (коров — 43%) до 44% в VIII—IX вв. (коров — 36%). В X—XII вв. к востоку от Вислы вновь начинает преобладать крупный рогатый скот, а к западу от Вислы свиней



остаётся больше. Существовали и региональные особенности. Но вообще-то отмеченные колебания ещё ждут своего объяснения. Традиционно третье место в животноводстве занимал мелкий рогатый скот. Причём от раннего средневековья до XII в. его удельный вес в стаде неуклонно снижался.

Затем дается характеристика ремеслу, промыслам.

**ХОЗЯЙСТВО В ЧЕХО-СЛОВАЦКИХ ЗЕМЛЯХ.** В раннесредневековом земледелии преобладали подсечно-огневая система и лесной перелог. В VIII-X вв. уже было известно двух- и трехполье, но преобладал, по-видимому, нерегулярный севооборот - краткосрочный перелог. Близкие традиции сохранялись в полководстве и в XI-XII вв. Лишь в условиях массовой колонизации в XIII-XIV вв. трехполье стало массовым. Рассмотрены также земледельческие культуры, урожайность, огородничество, садоводство, земледельческие орудия труда и работы.

В VIII-IX вв. отмечается повсеместное распространение усовершенствованного рала с железным наральником. Предназначенное для мелкой вспашки, известное ещё у кельтов, оно почти без конструктивных изменений применялось до конца XIII в. Но известны и тяжелые рала. Спорадические следы использования плуга отмечены уже в VIII-X вв. (т. наз. легкий плуг). Тяжелый плуг распространился с XIII в. Данные XIII-XIV вв. недвусмысленно свидетельствуют о переломе в технике пахоты.

**Животноводство.** Как и на соседних землях, преобладали крупный рогатый скот и свиньи. В VI-VIII вв. преобладал первый, но в течение VIII в. поголовье коров и свиней сравнялось, то есть возрос удельный вес свиней. К XI в. вновь на первое место вышел крупный рогатый скот, что было связано, вероятно, с распространением стойлового содержания скота, сведением лиственных лесов, успехов селекции, более полное использование молочных продуктов. В эпоху развитого средневековья отмечается увеличение удельного веса костей лошади и они превышают уровень костей мелкого рогатого скота. Дается также характеристика ремеслам, промыслам.

**ХОЗЯЙСТВО ДЕРЕВНИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ РЕЙНА-МОЗЕЛЯ И ОДРА.** Объединение в одном параграфе материалов о славянских славянах и германцах вызвано вполне понятными особенностями привлекаемой немецкой литературы, в которой вопросы хозяйственного развития обычно рассматриваются в рамках общегерманской территории более позднего времени. С другой стороны, как будет показано ниже, раннесредневековое

хозяйственное развитие обоих этнических массивов не имело существенных различий.

У славян и северных германцев до VI-VII вв. преобладало подсечно-огневое земледелие. У полабских славян оно было характерно и позднее, что обычно связывают с расселением и расчистками. Но и здесь оно во второй половине I тыс. постепенно вытеснялось пахотой и севооборотом. Постепенный переход к трехполью начался в регионе в третьей четверти I тыс., примерно с VII-IX вв. Каких-либо серьезных хронологических различий в германском и славянском ареалах не выделяется. Массовое распространение регулярного трехполья приходится на эпоху внутренней колонизации и завершилось в XII в. Далее рассмотрены земледельческие культуры. И здесь каких-либо серьезных отличий в структуре земледельческих культур между славянами и германцами в Центральной Европе второй половины I тыс. не наблюдается, что связано, очевидно, прежде всего со сходными природными условиями, основными агроприемами и тенденциями расселения до конца I тыс. Несколько большая роль пшеницы на западе объясняется более мягким климатом. Затем дается характеристика огородничества, садоводства, ульства, сельскохозяйственных орудий.

До рубежа I/I тыс. основным земледельческим орудием в регионе оставался п. наз легкий плуг, непереворачивавший пласт. Скорее всего это - разные модификации рала с симметричными и асимметричными наральниками. Сколо VI-VII вв. у северных германцев, поляков, чехов и моравов появляются железные наральники, в IX-X вв. они появляются и у полабских славян. Такие орудия уже можно было применять на тяжелых почвах и у западных славян до XII-XIII вв. Но уже с VII-IX вв. в регионе началось распространение и подлинного плуга с отвалом.

Изотоводство. В целом на германских поселениях I тыс., как и в других регионах преобладали крупный рогатый скот и свиньи. Но в ряде мест высок был и удельный вес мелкого рогатого скота. На славянских поселениях последний занимал меньше места. Затем рассмотрены ремесла и промыслы.

Выводы. В VI-VII вв. у германцев и славян был, в принципе, одинаковый уровень во всех важных сферах хозяйственной жизни. И в дальнейшем как к востоку, так и к западу от Эльбы действуют одни

и те же тенденции развития, и в земледелии, и в животноводстве. Имевшиеся различия, например, в косах и, следовательно, в способах заготовки кормов, в формах пахотных орудий и некоторые другие были второстепенными. В целом, к концу I тыс. по уровню хозяйственного развития эти земли мало отличались друг от друга. Но затем экономическое развитие германской деревни пошло интенсивнее, что, вероятно, было связано с генезисом феодализма в VII-XI вв.

К причинам наметившихся различий в темпах и формах развития германских и славянских аграрных порядков мы обратимся в разделе об общественных отношениях. Здесь же отметим, что общая тенденция в развитии таких важных для сельского хозяйства явлений, как распространение плуга и регулярного трехполья была единой и к востоку, и к западу от Эльбы: внедрение плуга примерно 600 лет, с VII до XII-XIII вв. Также в едином русле до конца I тыс. развивалось и ремесло, которое и у славян, и у германцев начало отделяться от сельского хозяйства в VII-VIII вв. своими наиболее важными для хозяйственной жизни отраслями - металлургией и металлообработкой.

#### РАЗДЕЛ V.

### НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ.

Рассмотренные материалы свидетельствуют, что быт крестьян определялся прежде всего их экономическими возможностями, а также характером среды обитания. Этнические традиции в материальной стороне повседневной жизни играли, по-видимому, второстепенную роль и проявлялись в строительной технике, в деталях планировки и оформления помещений и усадеб, наборе и внешнем виде утвари, в одежде, то есть в том, что не было напрямую связано с функциональным назначением постройки или вещи.

Каких-либо значительных этнических различий в уровне раннесредневековой материальной культуры славян и германцев, как отмечено, не существовало. А те, что имели место, были связаны или с природными условиями, или с влиянием достижений Древнего Рима, или с социальными системами, формой общинного устройства.

### Глава I. БЫТ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Демография. Во второй половине I тыс. средняя продолжительность

жизни у восточных славян составляла 36,5 лет. Средний женский возраст был обычно на четверть ниже мужского. В эпоху Киевской Руси мужчины в среднем жили 37-40 лет, женщины - 35-36 лет. При этом рост сельских жителей составлял 157-167 см (мужчины) и около 157 см (женщины). Горожане обычно были выше на 3-5 см.

Дана также характеристика повседневной жизни. Рассмотрены интерьер жилищ, особенности питания, домашняя утварь, состояние гигиены, одежда и обувь, особое место уделено украшениям.

Некоторые аспекты крестьянского мировоззрения. Анализ развития погребальных обрядов и его интерпретаций разными исследователями показал, что примерно с XI в. в деревню стали проникать христианские идеи, постепенно менявшие многие аспекты крестьянского мировоззрения, которое с VII-IX вв. развивалось и под влиянием социально-экономических перемен. В XII в. христианская идеология, в целом, победила языческую, хотя и не вытеснила полностью.

## Глава 2. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ.

Рассмотрены демографические и бытовые особенности.

Демография. По материалам могильников в польских землях, мужчины доживали в начале II тыс. до 30-50 лет, женщины до 17-18 лет. Рост мужчин составлял 162-170 см, женщин - 145-154 см. В чехословацких землях, великоморавскую эпоху население укрепленных поселений жило, в среднем, 24-33 г. (максимально - до 41-48 лет). В IX-XI вв. средняя продолжительность жизни составляла 39 лет, причем мужчины жили на 4-5 лет дольше женщин. В городищах XI-XIII вв. мужчин обычно хоронили в 42-48 г., женщин - в 33-39 лет. Средний рост вычислен для населения Великой Моравии и составил у мужчин - 160 см, у женщин - 155-160 см. Продолжительность жизни полабских славян составляла в среднем 30 лет.

Выводы. Демографическая ситуация, как видно, была единой и в Центре, и на Востоке. Бытовые условия крестьян определялись прежде всего природными условиями, характером повседневной деятельности и уровнем материальной культуры. Близость этих параметров у населения лесной зоны Европы породила общие черты крестьянского быта. Первоначальное господство в большинстве земель очерченного ареала (кроме северо-восточного региона Европы) полуземлянок на рубеже I/II тыс. сменялось преобладанием наземных крестьянских жилищ. При различиях в расположении построек в усадьбах под влиянием

долгое время отводилось одно отапливаемое помещение без дымохода. Достаточно однообразным был и набор хозяйственных сооружений. Этнографические особенности сельского домостроительства проявлялись прежде всего в планировке домов и усадеб и в интерьере жилищ. В целом же хозяйственные потребности и повсеместная ограниченность в средствах способствовали простоте и рациональности крестьянской застройки.

Духовная жизнь крестьян определялась, как известно, традициями и религиозным мировоззрением. Большой динамизм общественной жизни на западе изучаемого региона Европы способствовал более раннему внедрению в сельскую среду христианства (с IX-X вв.) и определенной nivelровке мировоззрения, а также и быта, что прежде всего (для археолога) отразилось в характере погребения. Христианские захоронения, как известно, из-за их скромности и однообразия, мало информативны для археолога. Поэтому германские и западославянские могильники с конца I тыс. пригодны прежде всего для демографических штудий. Более медленное внедрение христианства в восточнославянскую крестьянскую среду позволило широко привлекать курганный материал для изучения крестьянской одежды и некоторых элементов быта вплоть до XI в. Эти различия определяли характер представленного в разделе материала.

## РАЗДЕЛ VI.

### ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Общественные отношения отражены в археологических источниках опосредованно, прежде всего через отличия разных слоев общества в материальной культуре. Поэтому археологам проще анализировать структуру классового общества. Сложнее приходится при изучении процесса перехода к социальному неравенству, ибо это процесс длительный, многовариантный и не имеет четких определителей в материальной культуре. Но наиболее существенные изменения в раннесредневековом обществе — распад рода и выделение индивидуальных семей, складывание социальной дифференциации и, особенно, выделение господствующих слоев из общей массы населения достаточно четко фиксировались в характере домостроительства, в структуре, функциях и типах поселений, в инвентаре. Сопоставление всех этих элементов позволяет установить веки общественного развития. И если письменные данные, обычно легче интерпретируемые и более подробные в деталях, фиксировали отдельные явления, причем часто с опозданием,

то археология путем опоры на массовый материал позволяет высветить не случайные явления, но общие тенденции развития определенной территории.

## Глава I. ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНОКОИ ДЕР. БИИ.

Глава предваряется анализом употребляемых терминов, ибо их эволюция отражала определенные общественно-политические изменения, косвенно проявившиеся и в археологических материалах. (весь, погост, село, деревня). Затем рассматривается развитие общинных порядков, первоначальной общественной организацией славян, с которой они вошли в раннее средневековье, была родовая община, состоявшая из ведущих общее хозяйство, но живущих отдельно малых семей. Такая община обычно называет большесемейной или патриархальной и господствует она, очевидно, до VIII в., но сохраняется и позднее. Прочность не только родственных, но и хозяйственных связей объясняется, очевидно, экономическими трудностями, низким уровнем производительных сил, требовавшим совместного труда всего большесемейного коллектива. С VII в. увеличивается количество крупных поселений, состоявших из обособленных групп малых жилищ. Иногда такие группы отделены друг от друга значительным расстоянием или возвышенными преградами. Эти группы патриархальных семей, обычно, вослед за М.О. Косзенем, называет патрионимидами и возникли они, вероятно, из разраставшихся патриархальных общин. Судя по всему, за каждой патриархальной семьей закреплялись определенные участки и патрионимия являлись серьезным шагом к переходу от родовых связей к соседским. Стимулом способствовало и отмеченное выше создание с VII-III вв. индивидуальных дворов — обособленных хозяйств малых семей. Но, вероятно, и об этом свидетельствуют ранние древнерусские правовые источники, процесс хозяйственного обособления малых семей не сопровождался появлением частнособственнических прав на крестьянские участки типа западноевропейского аллода. В такой ситуации малые семьи, разрастаясь, не обязательно делились и вновь воспроизводили большие семьи, осуществлявшие с малыми при благоприятных условиях вплоть до XIV в.

Распадение больших семей и складывание патрионимий многие исследователи связывают с началом соседской общины. Но до начала II тыс. обособленные хозяйства малых семей еще пока редки. Не закончилось и

достаточно четких этнографических разграничений в древнерусской курганной культуре XI—XII вв. Можно говорить об определенном переходном периоде формирования соседских структур с конца I тыс. до XI—XII вв., когда основные элементы родовой организации были изжиты. Внешне эти общины сохраняли прежнюю структуру гнезд малых селен вокруг центра — дегоста. В ряде случаев прослеживается и преемственность кадастров территорий общин с предшествовавшими им родовыми. С XI—XII вв. соседские связи между крестьянскими семьями стали господствующими, но верховенство общинных прав на пахотную землю сохранилось вплоть, по словам С. Д. Скаскина, до колхозов.

В чем причина сохранения силы и сплоченности русской общины в отличие от западноевропейской марки, превратившейся в течение I тыс. в административно-территориальное объединение мелких земельных собственников? К сожалению, этот вопрос в сравнительном аспекте специально еще практически не изучался. Но вопрос важен, ибо разные пути развития общины в западной и восточной Европе, исходившие из по-разному складывавшихся форм собственности, предопределили разные формы и темпы жизни феодального общества, определившие различия обеих частей Европы вплоть до наших дней. Сопоставление рассмотренных выше процессов сельского расселения, истории топографии и застройки деревень, хозяйственной жизни сельского населения у восточных, западных славян и восточной части германского мира приводит к следующему. Встречаясь иногда в литературе мнение об отставании уровня славянской деревни, в том числе и древнерусской от западноевропейской проанализированными археологическими материалами до начала II тыс. не подтверждается. Появившиеся затем различия были, очевидно, уже следствием сложившихся ранее форм земельной собственности и общинных порядков.

С другой стороны, в динамике расселения и топографии поселений различия были весьма существенными. Более суровый климат на Востоке осложнял повседневную жизнь и способствовал, очевидно, меньшей плотности населения (в более благоприятной лесостепи — опасность кочевников). В таких условиях естественным было сохранение коллективного труда и, естественно, коллективных форм владения землей. К таким же выводам пришел недавно и Л. Б. Милов. Совпадение результатов, основанных, с одной стороны на археологических данных и с другой, преимущественно на письменных, представляется весьма существенным. Точки соприкосновения увеличатся при обращении к анали-

ту развития укрепленных сельских поселений.

Далее дается характеристика общинных городищ. Их наибольшее распространение приходится на финальную стадию первобытности, характерную выделением из сельской среды ремесленников, распадом родовых связей в VII—IX вв. Эти процессы сопровождались накоплением прибавочного продукта и необходимостью его защиты, что и породило массовое возникновение городищ, рассчитанных на защиту всех членов данного коллектива.

Обособление и выделение военно-административных слоев фиксируется достаточно определенно с IX в. (местами — с VIII в.) укрепленными усадьбами. Наконец, X—XI вв. отмечены увеличением таких городищ. Таким образом, за 200—300 лет (с VIII—IX вв.) и совершается процесс формирования военно-административных слоев — будущих землевладельцев. В X—XI вв. к этим слоям переходит вся полнота верховной власти — исчезают последние городища-убежища и начинают сооружаться феодальные замки. Их стремительный рост отмечен в XI—XIII вв., что свидетельствует об оседании знати на землю. Все это подтверждает мнение о переходе Руси в XI—XII вв. к развитому феодализму.

## Глава 2. ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЙ ДЕРЕВНИ.

ПОЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ. Анализ развития поселений свидетельствует о сосуществовании в VIII—XI вв. прежних, родовых и новых институтов о постепенном нарастании власти новой — владельческой знати, обособившейся в укрепленных резиденциях. В XII—XIII вв. с усилением власти местных уюливается значение панских и княжеских замков. С укреплением земской знати связано и оседание на землю шляхты — в XIII—XIV вв. страна покрывается сетью малых рыцарских замков.

ДЕРЕВНЯ В ЧЕХО-МОРАВСКИХ И СЛОВАЦКИХ ЗЕМЛЯХ. Имеющиеся материалы фиксируют начало распада родовых коллективов, патриархальных семей, переход к индивидуальным семьям и соседским общинам с VII—VIII вв. и завершение этого процесса в IX—X вв. С IX в. наряду с сохранявшимися до X—XI вв. общинными городищами-убежищами появляется ряд господских резиденций (великоморавская эпоха). С X в. и на некоторых общинных городищах появляются обособленные вельможские дворцы — акрополи. В XII—XIII вв. начинается, как и в Польше, процесс оседания на землю шляхты. Для сооружения шляхетских замков приходится на XIII—XIV вв.



СЛАВЯНСКАЯ ДЕРЕВНЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ ОДЭРА-ЭЛЬБЫ/ЗААЛЕ. Имеющиеся материальные свидетельства указывают, что большая семья существовала до VII—IX вв. Но выделявшиеся малые семьи до начала II тыс. еще не вели индивидуального хозяйства, о чем свидетельствует отсутствие четко очерченных усадеб-домохозяйств. Такие свидетельства появляются лишь в XI—XII вв. — выявляются следы оград. С этого времени отмечены и данные о социальной дифференциации в деревне. Развитие городищ также подтверждает веки социального развития, выделенные в других славянских землях: с VII—IX вв. выделяется знать. В X—XII вв. начинают появляться и типичные феодальные замки. Но этот процесс укрепления местной знати был, как известно, прерван немецкой колонизацией.

### Глава 3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕРЕВНЕ МЕЖДУРЕЧЬЯ РЕЙН/МОЗЕЛЬ-ЭЛЬБА.

Генезис общины у германцев вызывает серьезные, даже методологические споры. Ибо, в отличие от славянского населения, германское вступило в средние века разделенным на усадьбы-домохозяйства. Эти усадьбы, причем порой с четко очерченными полями известны на германском побережье и в первой половине I тыс. Оформление усадеб отразило и выделение отдельных семей, начавшееся, таким образом у германцев в начале новой эры. Причем сосуществовали и большие, и малые семьи. А в целом, по археологическим данным, процесс формирования малых семей у германцев затянулся вплоть до эпохи Каролингов. Процесс выделения знати у германцев начинается с VII в. под влиянием франков (меровингские бурги). Каролингская экспансия второй половины VIII в. ускорила процесс феодализации восточногерманских земель и в IX в. вся территория уже была покрыта укрепленными резиденциями знати. С XII в. распространяются и небольшие рыцарские замки. Как и в других регионах, это свидетельствует о массовом оседании мелких феодалов на землю и полном утверждении феодального землевладения.

**ВЫВОДЫ.** Как явствует из представленного материала, в развитии общественных отношений у славян и германцев было больше различий, чем в материальной культуре и экономике в целом. Если близость хозяйственного развития в определенной степени определялась сходными природными условиями, то социальные порядки, помимо определенного

экономического уровня, опирались и на исторически сложившиеся традиции отношений между людьми. Анализ генезиса этих отношений хронологически выходит за рамки нашей работы и можно лишь констатировать, что с начала новой эры развитие общинных порядков у германцев и славян пошло разными путями. Примерно со II в. германские поселения стали распадаться на мелкие хозяйственные и социальные ячейки — усадьбы-домохозяйства и у них стал вызревать аллод, окончательно, судя по письменным источникам, выделившись в частную собственность с VI-VIII вв. С этого времени и начинается в германских землях генезис феодализма.

У западно- и восточнославянских племен социальное развитие пошло по иному пути. Почему? Общинные порядки без существенных изменений продолжали существовать в течение всего I тыс. Лишь с VIII в. отмечено спорадическое появление крестьянских усадеб, ставших массовым явлением с XI-XII вв. При этом письменных данных о появлении аллода, даже и после выделения усадеб, у славян не было. В этой ситуации не сложился институт частной собственности и социальные верхи, которые появляются не намного позднее, чем у германцев между речья Рейна-Эльбы, дольше оказывались привязанными к великокняжеским столам. Княжеская власть для управления и снабжения создавала на подвластной территории систему административных округов. В итоге господствующий слой в материальном плане оказался более ограниченным в своем развитии. Отсюда более медленные темпы феодализации (концентрация земельной собственности и основанного на ней роста частной власти и соответственно более медленное и плавное подчинение крестьян). Этому способствовала и более сплоченная сельская община.

Конечно, здесь еще не все ясно. Но, как было показано, в других сферах серьезных различий в развитии славянского и германского населения Центральной и Восточной Европы — нет. Таковы, пожалуй, те основные причины различий в характере генезиса феодализма у славян и германцев в лесной зоне Европы, которые прослеживаются по археологическим данным.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Анализ расселения и застройки деревни, ее склоны, прослеживаемых по археологическим данным процессов социального и идеологического развития позволял наметить этапы истории деревни с ру-

рубежа V/VII до XIV-XV вв.

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ.** Первый этап охватывает вторую половину I тыс. Население концентрировалось отдельными скоплениями в долинах. Застройка отражала совместную хозяйственную деятельность больших общинных коллективов, хотя с VII-IX вв. уже начинают отмечаться свидетельства обособления отдельных крестьянских дворов, что означает начало перехода к соседской общине. Но до конца I тыс. этот процесс не принял массового характера. В VII-IX вв. распространяется соха, что способствовало общему прогрессу сельскохозяйственного производства и повлияло как на характер общины, так и на появление свидетельств социального неравенства. В итоге, наряду с общинными городищами в VII-IX вв. отмечаются и укрепленные резиденции выделявшихся социальных верхов. Но до X-XI вв. господские поселения были крайне малочисленны и массового подчинения сельского населения землевладельцами не наблюдается.

Второй этап начинается с X-XI вв. существенными изменениями в характере расселения и социальной структуре. При сохранении прежней долинной системы расселения резко возрастает количество поселений. Растет число поселков средних и мелких размеров, отразившее отпочкование дочерних поселений, состоявших из малых семей. В земледелии - всё больше признаков распространения паровой системы. Достигает расцвета деревенское ремесло. В XIII в. христианство в основном вытесняет язычество. Для XI-XII вв. характерно массовое распространение укрепленных резиденций-замков, что, очевидно, отразило оседание знати на землю и формирование феодального землевладения. Но феодализация еще не успела, по-видимому, затронуть поселенческие, демографические и хозяйственные структуры деревни, ибо не отразилась ни на характере расселения, ни в материальной культуре.

Третий этап начался с рубежа XIII/XIV вв. Он характерен переходом к водораздельному типу расселения. Преобладали малодворные деревни. Изменение характера расселения вызывалось прежде всего демографическим бумом XI-первой половины XIII в., начавшимся в XIII в. увлажнением климата и массовым распространением плуга и трехполья. Верхний рубеж данного этапа археологически не определяется.

**ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ.** Первый этап длился с VI до второй половины VII-IX в. В целом, он аналогичен для сельского населения там

же, что наблюдалось у восточных славян.

Второй этап характерен серией демографических, хозяйственных и социально-политических изменений, происходивших в течение IX-XI/XII вв. При сохранении прежней, долинной системы расселения идет уплотнение населения в освоенных ранее агломерациях. Отмечаются первые признаки применения плуга и регулярного севооборота, хотя о существенном влиянии этих новшеств на агркультуру говорить еще рано. Заметен прогресс в ремесле. Все это способствовало появлению устойчивого прибалочного продукта и обособлению выделявшихся социальных верхов в особо укрепленных поселениях и созданию на этой основе системы административно-территориальных округов. Старые общинные городища в IX в. исчезают. В течение X-XII вв. складывается система княжеских замков.

Третий этап начинается с XII в. В условиях массовой колонизации лесных возвышенностей происходит широкое распространение трехполья и модернизация земледельческих орудий с повышением роли тяжелого плуга. В целом, отмечен хозяйственный прогресс деревни, отраженный и в повышении качества жилищ. Все это происходит в условиях массового оседания на землю мелкой шляхты, о чем свидетельствуют многочисленные замки. В XIII-XV вв. в отдельных местах отмечено перераспределение населения и, в целом, складывается современный аграрный пейзаж.

германские земли между Рейна-Эльбы. Первый этап объединяет процессы, происходившие от VI-VII до VIII-IX вв. В целом, они аналогичны основным явлениям, характерным для первых этапов западно- и восточнославянских регионов. Но на данной территории отмечена большая плотность населения с сочетанием крупных и малодворных деревень, на которых, в отличие от славянского ареала, довольно четко прослеживаются огороженные крестьянские усадьбы с набором надворных построек, необходимых для ведения самостоятельного хозяйства. Прослеживается имущественная дифференциация среди крестьянства. Общинные городища постепенно забрасываются, а на Рейне у франков появляются городища-резиденции социальных верхов.

Второй этап можно датировать VIII-X/XI вв. Рост населения приводит к полному освоению заселенных ранее долинных территорий и наблюдается спорадическое расширение прежних агломераций, в том числе и на возвышенностях. Отмечаются признаки применения плуга и ре-

гулярного севоборота. С IX в. начинает проследиваться тенденция к обеднению деревень, что связано, вероятно, с увеличением ренты оседающим на земле господам, создавшим большое число укрепленных резиденций. То есть происходит становление сеньориальных отношений.

Третий этап начинается с XI в. широкой внутренней колонизацией - освоением возвышенностей, постепенным распространением регулярного трехполья, массовым сооружением рыцарских замков.

Таким образом, до VIII-IX вв. развитие славян лесной зоны и германцев от Рейна до Эльбы шло сходными путями: оба этноса завершали историю первобытных отношений. Затем по обе стороны Эльбы началось становление феодального общества. Но если у германцев процессы обособления знати, ее возвышения и подчинения основной массы сельского населения происходят довольно интенсивно и завершаются к XI в., то у славян эти же процессы происходят более плавно, постепенно, не захватывая поначалу основной массы населения. В итоге в землях западных и восточных славян к XI в. власть социальных верхов еще не переросла в сеньориальную (землевладельческую). Причины отмеченных различий, представляется, лежат в географических и демографических особенностях регионов, которые отразились на характере и темпах социальных процессов, прежде всего в более раннем на западе выделении крестьянских дворов-домохозяйств с принципами аллодиальной земельной собственности. В принципе, на западе и востоке континента наиболее ярко определялись разные пути управления экономикой: децентрализованный и государственный, централизованный. Западнославянский регион представлял как бы контактную зону, где на "восточные" традиции постепенно накладывались "западные". Изучение этих путей и традиций актуально и для наших дней.

По теме диссертации опубликованы следующие основные работы:

1. Феодальное поселение X-XVI вв. у г. Чаусы в Могилевском Поднепровье // Вопросы истории. Мн., 1981. С.13-19.
2. Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X-XIV вв. // Древности Белоруссии и Литвы. Мн., 1982. С.137-144.
3. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X-XIII вв. // СА. 1982. № 4. С.107-118.
4. Стараятинарская курганы // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1935. № 3. С.35-36.
5. Древнерусская деревня в археологических исследованиях // Тезисы

- докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С.111-112.
6. Средневековая деревня в археологии Польши // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1986. С.65-66.
  7. Природная среда и слотема сельского расселения в Восточной Белоруссии в X-XIII вв. // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С.50-56.
  8. Древнерусская деревня в археологических исследованиях // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К., 1983. Т.2. С.293-296.
  9. Становление феодальных отношений у западных славян в свете археологических данных // ВП. 1988. № 10. С.123-128.
  10. Взаимосвязи и особенности развития средневековых сельских поселений в Польше и Чехословакии // Международные связи в средневековой Европе. Запорожье. 1988. С.37-38.
  11. Средневековое крестьянство чехо-моравских и польских земель в археологических исследованиях: возможности и итоги // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. Мн., 1988. С.124.
  12. Особенности средневекового сельского расселения на территории Белоруссии и в соседних землях (по археологическим данным) // Сельское хозяйство: история, современный опыт и перестройка. Мн., 1988. С.3-9.
  13. Средневековое расселение западных и восточных славян: сравнительная характеристика // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990. С.77-80.
  14. Средневековая деревня междуречья Рейна и Одера в археологических исследованиях // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1990. С.35-87.
  15. Развитие средневековой вёски на территории Беларуси и у соседних землях. Могилёв. 1990. 72 с.
  16. Топография и планировка средневековой деревни Восточной Европы // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель. 1991. С.94-96.
  17. Генезис феодализма в Центральной и Восточной Европе: к вопросу о причинах различий // Международные связи в средневековой Европе. Запорожье. 1991. С.21-24.
  18. Средневековая деревня // Могилевщина. Могилев. 1991. С.28-29.
  19. Сравнительная характеристика застройки средневековой деревни Восточной и Центральной Европы // Проблемы выявления средневекового села на Полесье. Чернігів, 1992. С.49-51.
  20. К истории археологического изучения средневековой европейской деревни // Населеніцтва Беларусі і сумежных тэрыторій у эпоху жалеза. Мн., 1992. С.91-94.
  21. Да сацыяльнага развіцця ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе ў раннім сярэднявекі // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мн., 1993. Ч. 2. С.39-91.



Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Подписано в печать 16.03.93г формат 60x34 7/16. Бумага  
печная И 2. О,сетная печать. Усл.печ.л. 2  
Уч.-изд.л. 3,5. Тираж 100 экз. Заказ 6. Бесплатно

---

Ротапринт Могилевского пединститута им. А.А.Кулешова. 212020,  
Могилев, ул.Коммунаров, 1.